

СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ В МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

И. С. Лисюткина

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

DISCREDITING STRATEGY IN MEDIA POLITICAL DISCOURSE: THE NATIONAL ASPECT

I. S. Lisiutkina

Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky

Поступила в редакцию 27 ноября 2018 г.

Аннотация: статья представляет собой анализ реализации тактики апелляции к национальности в рамках стратегии дискредитации в российских газетах в период 1996–2014 гг. В исследовании применялись методы дискурс-анализа, а также диахронического анализа. В соответствии с экстралингвистическими факторами были выделены два периода и три ведущих приема: сочетание этнонима с негативно окрашенной лексемой, актуализация стереотипов о кавказцах (внешность, профессия, отдельные черты характера), а также генерализация и фактуализация негативных событий. Данная статья является частью диахронического исследования функционирования стратегии дискредитации в советском, российском и американском политическом медиадискурсе. Перспективами дальнейшего исследования являются выделение, описание и систематизация тактик, реализующихся в рамках стратегии дискредитации.

Ключевые слова: медиapolитический дискурс, стратегия дискредитации, национальная идентичность, Кавказ, кавказец.

Abstract: the article gives a diachronic analysis of the appeal to nationality tactic within the discrediting strategy in Russian newspapers of the period 1996–2014. The study is based on articles from the newspaper “Argumenty i Fakty”, “Komsomolskaya Pravda”, “Trud-7” from 1996–2014, as well as data from the National Corpus of the Russian Language. In accordance with extralinguistic factors, two periods are singled out: the first one is dated 1996–2003 and mainly connected with reports about the Second Chechen Campaign. The second period is 2003–2014 and shows the steady decline in frequency of usagethe appeal to nationality tactic that is connected with recent implementations of various social projects aiming at promoting antinational values and also connected with public scrutiny. The following leading methods were observed: the combination of an ethnonym with a negatively colored lexeme, the actualization of stereotypes connected with appearance, occupation and various negative traces of character and generalization and factualization of negative events. This article is a part of a diachronic study of the functioning of the discrediting strategy in the Soviet, Russian and American political media discourse. Prospects for further research are the identification, description and systematization of tactics that are implemented in the framework of the discrediting strategy.

Key words: media political discourse, discrediting strategy, national identity, Caucasus, Caucasian.

Политики используют медиа в качестве информационного носителя или канала, с помощью которого можно донести свои ценности, знания, интересы, убеждения, ориентации, установки до потенциальных избирателей. Однако в то же время СМИ служат не просто посредником, но и интерпретатором инфор-

мации, влияя на смысл сообщения и нередко обслуживая интересы определенных групп.

Вслед за М. В. Гречихиным мы полагаем, что медиадискурс является социально-регулятивным механизмом, который формирует массовое сознание посредством конструирования и тиражирования социально и политически значимых когнитивных и ценностных идей [1]. А. В. Евстафьева отмечает, что

манипулирование негативными стереотипами составляет психолого-культурологическую основу функционирования языка в СМИ [2].

Одно из самых широких определений речевой манипуляции дает К. Ф. Седов: «Под речевой манипуляцией следует понимать осуществляемое средствами коммуникации скрытое воздействие на человека, которое имеет цель» [3]. Примечательно, что манипулятивное воздействие может оказывать влияние на адресата не только непосредственно в момент коммуникации, но и проецироваться на будущие коммуникативные акты. В рамках политического медиадискурса СМИ предлагает массовому адресату созданные ими информационные конструкты, цель которых не только манипулировать, но и сформировать схемы восприятия последующих сообщений. Новые сигналы будут восприниматься через уже созданные информационные блоки и фильтры [4].

Цель данного исследования – выявить, систематизировать и охарактеризовать лингвопрагматические приемы, используемые в рамках тактики апелляции к национальности, которая рассматривается нами как одна из тактик внутри дискредитационной стратегии. Материалом исследования послужили статьи из газет «Аргументы и факты» (АиФ) «Комсомольская правда» (КП), «Труд-7» (Т) за 1996–2014 гг., а также данные Национального корпуса русского языка. Полученные данные о функционировании тактики апелляции к национальности в медиаполитическом дискурсе могут быть применены на практических занятиях по обучению русскому языку, а также спецкурсах по культуре речи и конфликтологии.

Национальная идентичность является комплексным понятием, включающим следующие компоненты: язык, культуру, ценности, традиции, общую историю, этническую принадлежность, религию, гражданство и др. [5; 6]. В зависимости от целей и направленности того или иного этнического сообщества доминантой становится определенный компонент. Смена доминант обеспечивает категории национальной идентичности динамический характер. С. Хантингтон утверждает, что всепроникающая глобализация приводит к вынужденному сужению у людей рамок собственной идентичности. Национальная идентичность вынуждена уступить место субнациональной идентичности: этнической, религиозной, региональной, сексуальной и пр. [7]. Этническая идентичность, которая составляет значительную часть языковой картины мира, является результатом сопоставления различных культур. При этом категория этнокультурной идентичности выражается в определенной дискурсивной модели, основанной на бинарной оппозиции «свой – чужой» [8]. В то же время поиск идентичности призван выявить лица, не входящие в «мы»-группу, обладающие отличными от

нас характеристиками, придерживающиеся иных взглядов. Причем наличие хотя бы одной отличной характеристики экстраполируется на все остальные качества индивида, различия обязательно преподносятся как непреодолимые и обязательно влекущие за собой конфликт и нетерпимость [9].

Современная история России ознаменована поиском собственной идентичности. В советский период ведущим этнонимом становится «советский народ», которое является наднациональным обозначением. После распада СССР уже бывшие братские республики выбрали для выстраивания новой идентичности национальную доминанту. Россия оказалась в более сложном положении, поэтому в основу российской идентичности легла государственная идентичность [10], и на смену этнониму «советский народ» пришел этноним «россияне». Однако не все регионы были согласны с подобным выбором, что стало одной из многочисленных причин конфликта на Северном Кавказе.

В 1993 г. Северный Кавказ, как и многие другие регионы, существовал в размытых рамках постсоветской неопределенности. Изменившееся геополитическое положение привело к тому, что Северный Кавказ трансформировался из внутреннего региона в приграничный. Это привело к разрыву связей, которые долгое время формировались в рамках единого советского государства. Нарастающие сепаратистские настроения привели к двум чеченским кампаниям (1994–1996 и 1999–2000 гг.). Параллельно с этим в регионе шел процесс дерусификации, особенно массовый отток русского населения наблюдался в Чечне, Ингушетии и Дагестане. После перемирия начинается процесс восстановления отношений между Кавказским регионом и остальной Россией. Однако, несмотря на положительную политическую динамику, период с 2000 по 2005 г. ознаменован рядом террористических актов, организованных кавказскими радикалами: теракт на Дубровке, захват школы в Беслане, убийство главы Чеченской Республики А. Кадырова и т. д. [11]. В настоящее время можно говорить о том, что определенный уровень внутренней стабилизации в регионе достигнут [12].

В связи с двумя войнами на Кавказе в конце 1990-х – начале 2000-х гг. ведущими этнонимами в СМИ, получившими негативную окраску, становятся «чеченец» и «чеченский». Одной из самых распространенных форм дискредитации становится формула: **этноним + лексема с негативным прагматическим зарядом**. Данные случаи употребления представляется возможным разделить на несколько тематических групп на основе интегральной семы, входящей в состав лексемы.

Первая группа содержит интегральную сему «нарушение закона», в нее входят такие словосоче-

тания, как *чеченские работорговцы, чеченские бандиты, чеченский мафиози, чеченская наркомафия, чеченский уголовник, чеченская неволя, чеченская террористка*. Отметим, что самым частотным словосочетанием из этой группы является *чеченский боевик*. В ходе анализа нами было обнаружено 90 статей издания «Аргументы и факты» за 1999–2000 гг., использующих данное словосочетание. Вторая группа тематически базируется на интегральной семе «война» и содержит лексемы, обозначающие военные действия и их атрибуты: *чеченский снайпер, чеченские пули, чеченский автомат, чеченский экспансионизм, чеченское побоище, чеченский конфликт*. Третью группу составляют единицы с общей семой «сложная ситуация»: *чеченская проблема, чеченский узел, чеченский клубок, чеченский тупик*. Четвертая немногочисленная группа включает лексемы-метафоры с интегральной семой «болезнь»: *чеченский синдром, чеченский гнойник*. Таким образом, активно используемая формула «этноним + лексема с отрицательным прагматическим зарядом» позволяет перенести отрицательную оценочность на этноним, тем самым убеждая общественность в необходимости борьбы с политическими лидерами Чечни 1990-х.

В ходе анализа материала нами были обнаружены примеры, когда этноним сочетался с нейтральной или положительно окрашенной лексемой, однако за счет особого контекста, в частности саркастического, этноним получал негативное прагматическое наполнение. Так, одна из статей за 2003 г. получила название «*Чеченский сериал*» (АиФ, 12.03.2003). В данном случае две фазы конфликта на Кавказе сравниваются с многосерийным сериалом, тем самым автор статьи ставит военные действия на один уровень с развлекательным действием.

В связи с прекращением военных действий на территории Чеченской Республики меняется набор речевых средств, используемых в СМИ. На первый план постепенно выходит квазиэтноним «кавказец», что, с одной стороны, позволяет избегать конкретного указания на национальность и способствует более безболезненному «возвращению» северокавказских республик в политическое и культурное пространство России. С другой стороны, данный квазиэтноним применяется не только к представителям республик, входящих в состав Российской Федерации, но и других государств (Азербайджан, Грузия, Армения). Это дает благодатную почву для манипуляций: все кавказцы маркируются как чужие и приезжие, хотя многие из них имеют столько же прав, сколько представители всех остальных регионов России. Таким образом, реальность описывается и объясняется не с позиции закона, а с позиции субъективного отношения.

Еще одним приемом дискредитации в рамках тактики апелляции к национальности становится **актуализация стереотипов**, связанных с понятиями «кавказец» и «лицо кавказской национальности». Прежде всего, это связано с описанием внешности: в портретах акцентируются отдельные черты лица, например, большой нос: *Трое кавказцев с профилями пожилых орлов сосредоточенно записывают монетки в щели* (АиФ, 28.01.2004). В портрете также находит отражение любовь кавказцев к спортивным видам борьбы: *Впрочем, широко был представлен на Ходынке и другой потенциальный брачный вариант: небритый горец с чеканным профилем (перебитый нос и поломанные уши борца также прилагались)* (КП, 15.10.2007). Авторы статей акцентируют внимание на деталях внешности, которые ассоциируются с криминальным миром: *В этот момент мимо нас прошел колоритный кавказец в костюме мелкого вора-барсеточника: остроносые туфли, куртка гонимца Формулы-1 и рэперская шапочка, натянутая до ноздрей* (КП, 12.09.2005). Сразу в пяти контекстах нами было встречено упоминание золотых зубов как атрибута кавказцев: *На вопрос, хозяин он или продавец, золотозубый кавказец после некоторой паузы отвечал: «Конечно, я хозяин...»* (АиФ, 30.07.2003). Иронически обыгрывается кавказская традиция носить холодное оружие: *Кавказец, в паспорт вклеил, пожалуй, себя на лошади с кинжалом* (КП, 03.06.2003). Особое внимание во внешности уделяется взгляду, журналисты преподносят его как некий показатель плохих намерений: *Вот прошел мимо кавказец, посмотрел как-то исподлобья* (КП, 20.10.2013).

Поскольку «язык является непосредственной формой существования национальной идентичности» [13], чтобы подчеркнуть принадлежность кавказцев к группе «чужие», акцентируется их незнание русского языка: *Толстый кавказец в дубленке издевательски демонстрирует Андрею сто долларов: «Бэри, если сдача есть...»* (Т, 06.03.2001). С помощью графических средств авторы статей создают «ломаную речь иностранца» (далее – ЛРИ). ЛРИ является проявлением отдельной языковой системы, имеющей промежуточный характер, которая призвана продемонстрировать интерференцию нескольких языковых систем в процессе речи коммуникантов, владеющих несколькими языками. Данный прием создает необходимый автору эмоциональный эффект, в данном случае – негативный, однако главной его функцией является территориальная характеристика [14]. Особенно эффектно ЛРИ выглядит в заголовочном комплексе, так как заголовок помогает настроить читателя на особое восприятие текста, сформировать

определенные ожидания: *«Учтыэлныца, садыс ка мнэ на калэнка!»* (АиФ, 08.12.2005).

Самый частый персонаж-кавказец в прессе середины 2000-х – это рыночный торговец, который так или иначе пытается обмануть покупателя: *Вот этот памидор за пять отдам, – сверкнул фиксой кавказец и указал мне на кучу гнилья* (КП, 09.10.2002). Всячески подчеркивается стремление кавказцев получить прибыль любыми способами и бурная эмоциональная реакция в случае неудачи: *Узнав, что никаких денег он не получит, кавказец рассвирепел, вытащил пистолет-пулемет «Кедр» и открыл пальбу* (КП, 23.09.2007).

Торговля и прибыль ассоциативно связывается с богатством, поэтому персонажи-кавказцы маркируются как люди с большими деньгами, что тоже является своеобразной негативной характеристикой: *Квартиры покупают приезжие, в основном кавказцы. А наши зарплаты как были, так и останутся скромными* (АиФ, 14.01.2004). Е. В. Клементьева пишет о том, что для русского менталитета характерно сочувствие бедным и негативное отношение к богатым, материальным благам и накоплениям [15]. Таким образом, оппозиция между «своими» и «чужими» проходит на концептуальном уровне.

Для создания негативного образа также используется ирония: *И по его тону я понимаю, что интересоваться у горячего южного парня, есть ли у него деньги, просто неприлично. Джигит не может быть беден по определению* (МК, 20.01.2012). В подобных иронических контекстах часто используется номинация «джигит», которая обозначает искусного наездника. Однако в действительности данное понятие включает в себя не только умение держаться в седле и искусство обращения с оружием, но и такие личные качества, как храбрость, выносливость и патриотизм. Таким образом, джигит становится своеобразным культурно-нравственным идеалом народов Кавказа. В приведенном выше примере ироническая интонация возникает за счет столкновения понятий, относящихся к разным сферам: моральной (джигит) и материальной (бедность).

Богатство кавказцев ассоциативно связывается с миром криминала: *Нынешнее поколение кавказцев не видит себя рабочими, инженерами, крестьянами – там денег нет. Зато торговля наркотиками, изготовление фальшивых денег, фальсифицированной водки, незаконная врезка в нефтепроводы – вот это реальные деньги. Вот такое разделение труда произошло за последние двадцать лет между русскими и кавказцами. Даже зарплата в 30 тысяч рублей в месяц не заставит кавказца работать на заводе, так как они привыкли делать эти деньги за день, а то и*

за час (АиФ, 14.09.2011). В ходе анализа были обнаружены следующие слова и словосочетания с негативным значением, тематически относящиеся к нарушению закона, которые используются в одном предложении с лексемой «кавказец»: *нарушение общественного порядка* (именно так журналистами расценивается публичное исполнение лезгинки на улице), *стрельба, торговля наркотиками, торговля оружием, проституция, взятки* и т. д.

Еще одним стереотипом, который активно актуализируется в прессе в дискредитирующих целях, становится чрезмерная тяга кавказцев к противоположному полу. Данный стереотип гиперболизируется и в результате описывается симпатия, принимающая навязчивые или даже противозаконные формы: *Сам видел, как один школьник-кавказец зажал восьмиклассницу в углу и начал под юбку лезть, та вырывается и боится одновременно* (КП, 08.12.2005); *Но чаще девушек приходится защищать от приставаний кавказцев* (АиФ, 14.08.2014). В. И. Дятлов пишет о том, что повышенное внимание к случаям изнасилования с участием мужчин другой национальности часто используется в качестве средства дискредитации, так как существует архаическое представление о женщинах как о коллективном достоянии этнической группы. Поэтому покушение на их честь означает покушение на честь всей этнической группы [16].

Одной из главных ценностей народов Кавказа является семья. Однако данный аспект аксиологической системы представлен в прессе часто только в качестве самого отрицательного аспекта – кумовства: *Но... очевидная опасность для коренного населения в том, что кавказцы, устраиваясь в конторы, как кукушата, вытесняют оттуда не своих* (АиФ, 22.01.2003).

Безусловно, главным стереотипом о поведении кавказцев является представление об их эмоциональности и вспыльчивости. На первый взгляд, это изначально отрицательные качества, но вспомним советский фильм «Мимино», где обыгрывание данного стереотипа не было направлено на дискредитацию. В исследуемом материале несдержанность кавказца всегда приводит к насилию: *Заставший все это безобразии дежурный офицер потребовал от Чакараева покинуть расположение части. Горячий кавказец полез драться* (Т, 09.02.2007). Готовность всегда доводить конфликт до физической расправы отягощается тем, что журналисты всячески подчеркивают неспособность кавказцев вести честный поединок: *И никто не сомневается, что апофеозом этого «воспитания горских чувств» однажды станет нож, с его помощью гордый джигит решит*

любой конфликт, оставит победу за собой, даже если проиграет в честном кулачном бою (ЖП, 20.02.2013). Проанализируем данный пример с точки зрения теории речевых актов [17]. Пресуппозиция высказывания: кавказцы – подлые люди; импликатура: кавказское патриотическое (горское) воспитание приводит к нарушению правил поединка; логическое следствие: кавказцы могут пойти на подлость, чтобы остаться победителями. Таким образом, представители Кавказа маркируются как потенциально опасная группа.

Авторы статей также акцентируют внимание не только на вспыльчивости и повышенной эмоциональности, но и на властности и наглости представителей кавказской национальности. Самым частотным средством реализации данной идеи становится метафорическая модель «РОССИЯ – ЭТО ДОМ». А. П. Чудинов пишет о том, что метафора, представляющая страну как дом, характерна для России. В советский период преобладал метафорический образ строительства, в позднесоветское время – перестройки [18]. В проанализированных текстах особенно частотным является образ хозяина: *Китайцев больше, но кавказцы агрессивнее и ведут себя как хозяева, не считаясь ни с обычаями нашими, ни с законами* (АиФ, 19.04.2006). В данном примере сравниваются две этнические группы «чужаков», при этом кавказцы маркируются отрицательно, так как они посягают на статус хозяина дома, не имея на это никаких прав. При этом желание коренных жителей главенствовать в определенном сообществе воспринимается как очевидное, естественное и легитимное. Так, У. Кимлика полагает, что любая мультикультурная политика всегда имеет нацеленность на какую-то социальную группу, в связи с чем была сформулирована проблема «социетальной культуры», включающей в себя: язык, социальную структуризацию, обычаи и нормы, институты. Все эти элементы, согласно У. Кимлику, создают национальный социальный контекст, т. е. по факту ученый предлагает защитить право отталкиваться именно от контекста доминирующей этнокультурной группы [19]. Архетипический образ лидера как справедливого хозяина усиливает дискредитирующий эффект, направленный на этническое меньшинство, так как автор подчеркивает, что кавказцы не могут претендовать на руководящий статус в данной группе не только из-за происхождения, но и из-за недостойного поведения, например, неподчинения как нравственным, так и юридическим законам: *А вот два дня назад пятнадцатилетний кавказец избил Женю ни за что, а просто, чтобы показать, что он хозяин жизни* (АиФ, 22.12.2003).

Еще одним способом дискредитации, помимо модели «этноним + лексема с негативным прагматическим зарядом» и актуализации стереотипов, становится избыточная **генерализация или фактуализация негативных действий**: *Чрезмерная обидчивость гордых кавказцев стала такой же притчей во языцех, как и недостойное поведение отдельных представителей горцев в столице* (АиФ, 01.04.2014). Фразеологизм «притча во языцех» имеет шуточный [20] или даже негативный оттенок, обозначая что-то общеизвестное и при этом всем надоевшее [21]. На наш взгляд, неслучайным является употребление в одном предложении созвучных лексем «гордый» и «горец». Данные понятия ассоциативно связываются в сознании читателя и подготавливают почву для народной этимологии. Данный прием включает в себя использование дискурсивов, призванных повысить категоричность текста. Традиционно категоричность понимается как сопутствующая коммуникативная категория, которая выполняет регулятивные социально-этические функции [22].

Таким образом, в соответствии с модификацией тактики апелляции к национальности в рамках стратегии дискредитации в ходе проведенного нами диакронического исследования российской прессы были выявлены два периода в истории постсоветской России. Первый период – 1996–2000 гг. – совпадает со второй фазой войны на территории Чеченской Республики, поэтому ключевым этнонимом становится лексема «чеченский». Ведущим дискредитирующим приемом становится формула «этноним + лексема с негативным прагматическим зарядом». После окончания боевых действий на первый план в прессе выходит квазиэтноним «кавказец», который был призван улучшить отношение читателей к отдельно взятым национальностям, но достиг обратного эффекта: за счет чрезмерного обобщения активизировались стереотипы. Дискредитация осуществлялась именно за счет создания образа типичного кавказца и помещения его в негативный контекст. Еще одним способом дискредитации становится прием генерализации и фактуализации событий. Стоит отметить, что в последние годы частота использования тактики апелляции к национальности заметно снизилась. Во-первых, это связано с имплементацией различных общественных программ. Так, по постановлению правительства Москвы «О дополнительных мерах по профилактике ксенофобии и этнополитического экстремизма в молодежной среде города Москвы» в 2008–2010 гг. была реализована программа «Столица многонациональной России», направленная на предотвращение проявлений ксенофобии [23]. В

Санкт-Петербурге в 2001–2015 гг. последовательно реализовывалось несколько программ: «Программа гармонизации межкультурных, межэтнических и межконфессиональных отношений, воспитания культуры толерантности в Санкт-Петербурге на 2011–2015 годы» и «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» [24]. Во-вторых, руководители северокавказских республик, входящих в состав России, стали уделять внимание образу кавказца в пространстве СМИ. Так, Р. А. Кадыров не раз требовал публичных извинений от людей, дискредитирующих своими действиями представителей Чеченской Республики: будь то молодой чеченец, бросивший в подростков банку в автобусе, или главный раввин Москвы, заявивший, что «99 % террористов – мусульмане» [25]. В-третьих, снижение частотности использования рассматриваемой тактики связано с тем, что ракурс общественного внимания переместился на внешнеполитическую арену.

Данная статья является частью диахронического исследования функционирования стратегии дискредитации в советском, российском и американском политическом медиадискурсе. Перспективами дальнейшего исследования являются выделение, описание и систематизация других тактик, реализующихся в рамках стратегии дискредитации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гречихин М. В.* Современный русский медиадискурс : язык интолерантности : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Гречихин. – Белгород, 2008. – 21 с.
2. *Евстафьева А. В.* Язык вражды в средствах массовой информации : лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Евстафьева. – Тамбов, 2009. – 26 с.
3. *Седов К. Ф.* Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации / К. Ф. Седов // Юрислингвистика-6 : инвективное и манипулятивное функционирование языка : межвуз. сб. науч. трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алтай. ун-та, 2005. – С. 87–103.
4. *Почепцов Г. Г.* Информационно-психологическая война / Г. Г. Почепцов. – М. : СИНТЕГ, 2000. – 180 с.
5. *Харламова Т. В.* Проблема формирования национальной идентичности в России и США : динамический аспект / Т. В. Харламова // Медиакультурное пространство России, Европы и Северной Америки как пространство риска. – Саратов : Наука, 2017. – С. 33–41.
6. *Ширяев Н. С.* Коммуникативные стратегии репрезентации национальной идентичности в политическом медиадискурсе (на материале английского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Ширяев. – Саратов, 2018. – 22 с.
7. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. – М. : Транзиткнига, 2004. – 635 с.
8. *Гришаева Л. И.* Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – 3-е изд., испр. – М. : Академия, 2006. – 300 с.
9. *Колосов С. А.* Манипулятивные стратегии дискурса ненависти / С. А. Колосов // Критика и семиотика. – Новосибирск : Ин-т филологии СО РАН ; НГУ. – 2004. – Вып. 7. – С. 248–256.
10. *Тюрин Е. А.* Национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии : к вопросу о шотландской идентичности / А. Е. Тюрин, Е. Н. Савинова // Власть. – 2015. – № 4. – С. 195–200.
11. *Поляков Е. М.* Структура политического насилия и терроризма на Северном Кавказе : 1990–2000-е годы / Е. М. Поляков // Центральная Азия и Кавказ. – 2015. – Т. 18, вып. 2. – С. 46–58.
12. *Маркедонов С.* Северный Кавказ : «ахиллесова пята» или политический ресурс? / С. Маркедонов – Режим доступа: <https://www.globalaffairs.ru/number/Severnyi-Kavkaz-akhillesova-pyata-ili-politicheskii-resurs-18934>
13. *Дубровская Т. В.* “I wastheFirstWesterner, TheOnlyEnglishPerson” : дискурсивное конструирование национальной идентичности / Т. В. Дубровская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 2. – С. 25–40.
14. *Голованова Я. В.* Соотношение периферийных явлений в англоязычных художественных текстах и их переводах на русский язык : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Я. В. Голованова. – СПб., 2012. – 24 с.
15. *Клементьева Е. В.* Концепт «богатство» : когнитивно-прагматический аспект (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Клементьева. – Краснодар : КГУКИ, 2008. – 20 с.
16. *Дятлов В.* «И тогда мама взяла обрез...» Самосуд и отношение к «чужакам» в общественном мнении российской провинции 1990-х годов / В. Дятлов // Вестник Евразии. – 2008. – № 4 (42). – С. 142–176.
17. *Серль Дж. Р.* Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М. : Просвещение, 1986. – С. 151–194.
18. *Чудинов А. П.* Российская политическая метафора в начале XXI века / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 1 (24). – С. 86–93.
19. *Лисюткина И. С.* Коммунитарная модель как особенность реализации политики мультикультурализма в Великобритании / И. С. Лисюткина, Р. С. Лепилин // Современное научное знание : теория, методология, практика : сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (19 января 2017 г.). – Смоленск : Новаленсо, 2017. – С. 129–131.

20. Справочник по фразеологии. – Режим доступа: <http://new.gramota.ru/spravka/phrases?alpha=%D0%9F&start=45>

21. Киынова Ж. К. Старославянская фразеология : синхрония в диахронии языка / Ж. К. Киынова // Вестник Карагандинского гос. ун-та. Сер.: Филология. – 2012. – № 04 (68). – С. 22–26.

22. Викторова Е. Ю. Роль вспомогательных коммуникативных единиц в реализации категории категоричности в устной речи / Е. Ю. Викторова // Современные исследования социальных проблем. – 2014. – № 11 (43). – С. 118–134.

23. Апанасюк Л. А. Анализ региональных программ преодоления ксенофобии и экстремизма в молодежной среде / Л. А. Апанасюк // Вестник Тамб. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2013. – № 8 (124). – С. 90–97.

24. Карпенко О. «Ты – гость, тебе не должно сметь свое суждение иметь» / О. Карпенко // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – С. 212–255.

25. Поймать и простить. В России людей все чаще заставляют извиняться на камеру. Зачем? Откуда это пошло? – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2017/12/18/poymat-i-prostit>

ИСТОЧНИКИ

1. Сайт газеты «Аргументы и Факты». – Режим доступа: <http://www.aif.ru/>

2. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>

REFERENCES

1. Grečihin M. V. Sovremennyy russkij mediadiskurs: Âzyk intolerantnosti :avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Belgorod, 2008. 21 s.

2. Evstaf'eva A. V. Âzyk vraždy v sredstvakh massovoj informacii: lingvističeskie i êkstralingvističeskie faktory funkcionirovaniâ :avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2009. 26 s.

3. Sedov K. F. Agressiâ i manipulâciâ v povsednevnoj kommunikacii // Ūrislingvistika-6: Invektivnoe i manipulâtivnoe funkcionirovanie âzyka: mežvuzovskij sbornik naučnyh trudov / Pod red. N. D. Goleva. Barnaul: Izd-vo Altajskogo universiteta, 2005. S. 87–103.

4. Počepcov G. G. Informacionno-psihologičeskaâ vojna. M.: SINTEG, 2000. 180 s.

5. Harlamova T. V. Problema formirovaniâ nacional'noj identičnosti v Rossii i SŠA: dinamičeskij aspekt // Mediakul'turnoe prostranstvo Rossii, Evropy i Severnoj Ameriki kak prostranstvo riska. Saratov : Nauka, 2017. S. 33–41.

6. Širâev N. S. Kommunikativnye strategii reprezentacii nacional'noj identičnosti v političeskom mediadiskurse (na materiale anglijskogo i francuzskogo âzykov) :avtoref. dis... kand. filol. nauk. Saratov, 2018. 22 s.

7. Hantington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoj nacional'noj identičnosti. M.: Tranzitkniga, 2004. 635 s.

8. Grišaeva L. I., Curikova L. V. Vvedenie v teoriû mežkul'turnoj kommunikacii: učeb. posobie. 3-e izd., isprav. M. : Akademiâ, 2006. 300 s.

9. Kolosov S. A. Manipulâtivnye strategii diskursa nenavisti // Kritika i semiotika. Novosibirsk: In-t filologii SO RAN; NGU. 2004. Vyp. 7. S. 248–256.

10. Tûrin E. A., Savinova E. N. Nacional'nyj stil' razvitiâ političeskogo processa v sovremennoj Šotlandii: k voprosu o šotlandskoj identičnosti // Vlast'. 2015. № 4. S. 195–200.

11. Polâkov E. M. Struktura političeskogo nasiliâ i terrorizma na Severnom Kavkaze:1990-e 2000-e gody // Central'naâ Aziâ i Kavkaz. 2015. T. 18, Vyp. 2, S. 46–58.

12. Markedonov S. Severnyj Kavkaz: «ahillesova pâta» ili političeskij resurs? Available at: <https://www.globalaffairs.ru/number/Severnyi-Kavkaz-akhillesova-pyata-ili-politicheskii-resurs-18934>

13. Dubrovskâ T. V. “I wastheFirstWesterner, TheOnlyEnglishPerson”: diskursivnoe konstruirovanie nacional'noj identičnosti // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriâ Lingvistika. 2015. № 2. S. 25–40.

14. Golovanova Â. V. Sootnošenie periferijnyh âvlenij v angloâzyčnyh hudožestvennyh tekstah i ih perevodah na russkij âzyk :avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2012. 24 s.

15. Klement'eva E. V. Koncept «bogatstvo»: kognitivno-pragmatičeskij aspekt (na materiale russkogo i anglijskogo âzykov) :avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar: KGUKI, 2008. 20 s.

16. Dâtlov V. «I togda mama vzâla obrez...» Samosud i otnošenie k «čužakam» v obšestvennom mnenii rossijskoj provincii 1990-h godov // Vestnik Evrazii. 2008. № 4(42). S. 142–176.

17. Serl' Dž. R. Čto takoe rečevoj akt? // Novoe v zarubežnoj lingvistike: Vyp. 17. Teoriâ rečevykh aktov. M. : Prosvešenie, 1986. S. 151–194.

18. Čudinov A. P. Rossijskaâ političeskaâ metafora v načale XXI veka / A. P. Čudinov // Političeskaâ lingvistika. Vyp. 1 (24). Ekaterinburg, 2008. S. 86–93.

19. Lisûtkina I. S., Lepilin R. S. Kommunitarnaâ model' kak osobennost' realizacii politiki mul'tikul'turalizma v Velikobritanii // Sovremennoe naučnoe znanie: teoriâ, metodologiâ, praktika. Sbornik naučnyh trudov po materialam Meždunarodnoj naučno-praktičeskoj konferencii (19 âнварâ 2017 g.). Smolensk: Novalenso, 2017. S. 129–131.

20. Spravočnik po frazeologii. Available at: <http://new.gramota.ru/spravka/phrases?alpha=%D0%9F&start=45>

21. Kiynova Ž. K. Staroslavânskaâ frazeologiâ: sinhroniâ v diahronii âzyka // Vestnik Karagandinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriâ Filologi. 2012. № 04 (68). S. 22–26.

22. Viktorova E. Ū. Rol' vspomogatel'nyh kommunikativnyh edinic v realizacii kategorii kategoričnosti v ustnoj reči // SISP. 2014. № 11 (43). S. 118–134.

23. Apanasûk L. A. Analiz regional'nyh programm preodoleniâ ksenofobii i êkstremizma v molodežnoj srede

// Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriâ: Gumanitarnye nauki. 2013. № 8 (124). S. 90–97.

24. Karpenko O. "Ty – gost', tebe ne dolžno smet' svoe suždenie imet'" // Rasizm, ksenofobiâ, diskriminaciâ. Kakimi my ih uvideli... M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. S. 212–255.

25. Pojmat' i prostit'. V Rossii lûdej vse čaše zastavlâût izvinât'sâ na kameru. Začem? Otkuda èto pošlo? Avail-

lable at: <https://meduza.io/feature/2017/12/18/poy-mat-i-prostit>

SOURCES

1. Sajt gazety «Argumenty i Fakty». Available at: <http://www.aif.ru/>

2. Nacional'nyj korpus ruskogo yazyka. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/>

*Саратовский государственный университет имени
Н. Г. Чернышевского*

Лисиуткина И. С., аспирант кафедры романо-германской филологии и переводоведения

E-mail: seriall@bk.ru

Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky

Lisiutkina I. S., Post-graduate Student of the Romance-Germanic Philology and Translation Studies Department

E-mail: seriall@bk.ru